

Идентификация сегментов матрицы: два плана рефлексии

В предыдущей публикации мы определили правую и левую полуплоскости структурно-онтологической матрицы, как «внутреннюю» и «внешнюю», соответственно. Это поможет нам в дальнейшей идентификационной работе, которую мы продолжаем в направлении третьего сегмента. Двигаясь от «психодинамики» вверх, мы по-прежнему остаемся во «внутреннем» пространстве психики. Однако, данное движение предполагает изменения материала системы, связанные с юнгианской индивидуацией – процессом дифференциации психики.

«Индивидуация – процесс образования и обособления единичных существ; говоря особо, она есть развитие психологического индивида, как существа, отличного от общей, коллективной психологии <...> Индивидуация является естественно необходимой, поскольку задержка индивидуации посредством преимущественной или исключительной нормировки по коллективным масштабам означает нанесение ущерба индивидуальной жизнедеятельности. Но индивидуальность уже дана физически и физиологически, и соответственно этому она выражается и психологически. Поэтому существенно задерживать развитие индивидуальности – значит искусственно калечить ее. Ясно без дальнейших рассуждений, что социальная группа, состоящая из искалеченных индивидов, не может быть установлением здоровым, жизнеспособным и долговечным, ибо только то общество может считаться живучим и долговечным, которое умеет сохранять свою внутреннюю связь и свои коллективные ценности при возможно большей свободе индивида, а так как индивид есть не только единичное существо, но предполагает и коллективное отношение к своему существованию, то процесс индивидуации ведет не к разъединению, а к более интенсивной и более общей коллективной связанности» [1].

Не все так просто с «коллективной связанностью», поскольку она зиждется на чувстве индивидуальной вины за отрыв от «стада» и стремлением к «искуплению». Однако, к этому важному аспекту мы вернемся позже, а сейчас зададимся вопросом о том, как именно происходит «образование и обособление единичных существ»? Качественной вехой индивидуации является появление эго – центрального элемента сознания. Юнг предпочитает использовать термин эго-сознание, под которым подразумевает комплекс (структурная единица психики в аналитической психологии), онтологически представленный совокупностью эго-отношений. Юнг обращает внимание на следующий парадокс: будучи центром сознания, само по себе эго – бессознательно. Своеобразное «черное пятно на солнце». Юнг поясняет, что эго не является источником «света», но скорее фокусом психических факторов, обуславливающих сознание.

Теперь обратим внимание на нашу матрицу (рис. 3). Верхняя полуось материала не случайно представлена «индивидуированным сознанием» – итогом тех трансформационных изменений, которые занимают десятилетия. Юнг выделяет два больших и принципиальных этапа индивидуации, называя их *первой* и *второй половиной*

жизни. Первая – посвящена выполнению «биологической задачи» (цель которой – произвести потомство), вторая предполагает реализацию уникального психологического потенциала («духовная задача»). Нижняя и верхняя полуплоскости матрицы, соответственно, отображают эту стадийность индивидуации. Таким образом, условная точка возникновения эго расположена не в центре матрицы (что может показаться «логичным» на первый взгляд), а в пределах нижней полуоси схемы (рис. 3). В этой связи, обращаем внимание, что матрица не предполагает контрастного разделения на зоны сознания и бессознательного. Позиция «коллективное бессознательное» на схеме отображает стартовую онтологическую конфигурацию материала системы, но не наделяет содержание нижней полуплоскости матрицы монопольным свойством бессознательности. Точно также верхнюю полуплоскость было бы ошибочным рассматривать, как исключительно «территорию» сознательных процессов.

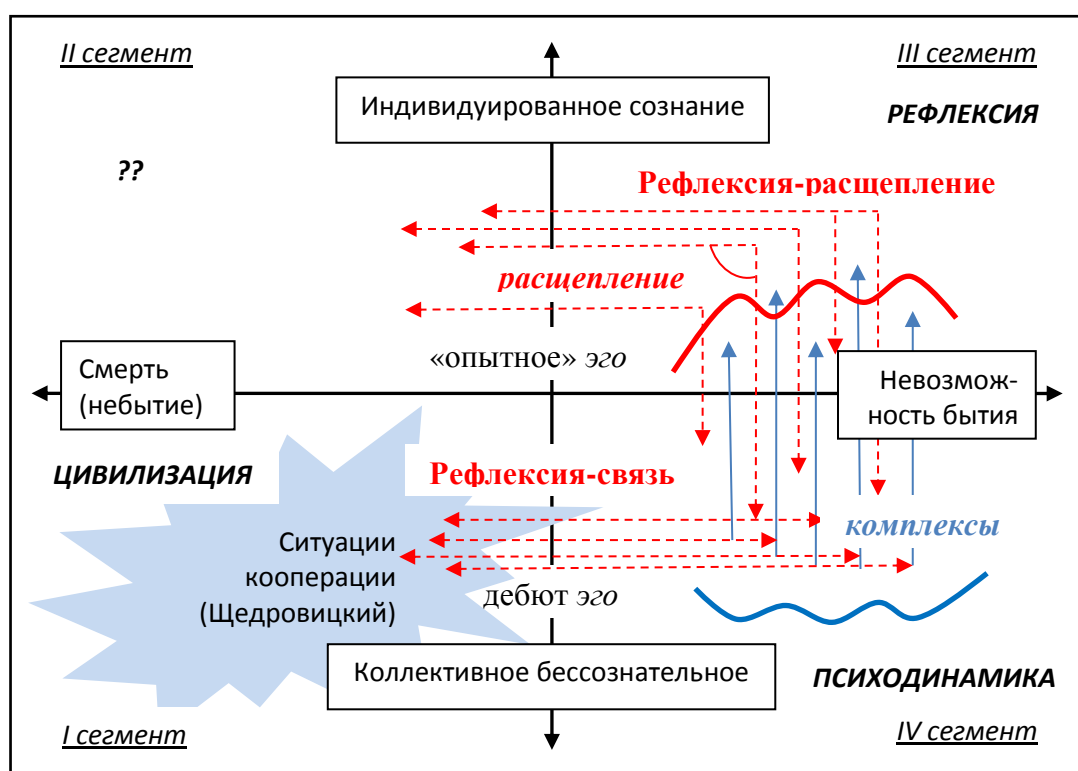

Рис. 3. Структурно-онтологическая матрица социализации личности. Два плана рефлексии.

Как мы уже знаем, в структурно-онтологическом анализе при построении осей матрицы используется дихотомическая логика для первичной и принципиальной ориентировки в исследуемом объекте. Рассмотренная нами в предыдущих публикациях *стадия системного восприятия объекта* требует выделения «чистых» недвусмысленных признаков первичного процесса и материала системы в интересах четкого разграничения этих конституирующих факторов, а значит и самого объекта. Для данных целей, на наш взгляд, идеально подходит дихотомический принцип, предполагающий взаимоисключающую однородность идентифицируемых характеристик. Однако,

дихотомическая логика призвана ОПОЗНАТЬ объект, принципиально различить его, выделить из метафизического полотна действительности. Для того же, чтобы ПОНЯТЬ объект – предусмотрена *стадия анализа* (напомним, что первым его шагом является – идентификация сегментов матрицы). И здесь простота и недвусмысленность дихотомий больше не могут оставаться ведущим аналитическим инструментом, во избежание скатывания в грубый редукционизм, механистическое выхолащивание изучаемой онтологии.

Мы считаем, что структурное понимание психики на основе оппозиции «сознание – бессознательное» было настолько же оправданным и прогрессивным в эпоху Каруса-Фрейда, насколько примитивным и бесперспективным – сегодня. Упомянутый выше парадокс «черного пятна» был разрешен Юнгом с помощью такого понимания психического, где сознание – есть функция бессознательного, а эго-сознание – психический комплекс с далеко не всегда реализуемой «претензией» на статус центрального места среди других комплексных образований. Юнг убедительно продемонстрировал, что нет того сознательного процесса, который бы не протекал по бессознательному руслу. Сознательность и/или неосознанность – эпифеномены даже не бессознательного, а целокупной психики, как говорил Юнг. Поэтому понимание психического устройства требует структурно-онтологического различения организованности материала, а не описания его атрибутивных свойств. Рассуждая в этом русле, эго-комплекс является характеристикой такой организованности. Другими словами, психика организована комплексно в том смысле, что состоит из комплексов. Каждый такой комплекс является совокупностью аффективно заряженных идей (образов), имеющих своим источником один или несколько архетипов коллективного бессознательного.

«Комплекс с присущей ему энергией имеет тенденцию образовывать как бы отдельную маленькую личность. У него есть некое исходное тело и определенное количество собственной физиологии. Он может расстроить желудок, нарушить дыхание, изменить сердечный тонус, – словом, ведет себя как парциальная личность. К примеру, когда вы хотите сказать или сделать что-то и, к несчастью, комплекс вмешивается в это намерение, то вы говорите или делаете совсем не то, что намеревались. Подобные свойства просто вынуждают нас говорить о наличии определенной силы воли комплекса. Когда мы говорим о силе воли, правомочен вопрос об эго. Наш собственный эго-комплекс – это агломерация высокочувствительных компонентов, которыми эго управляет. Поэтому нет принципиальной разницы между эго-комплексом и другими комплексами <...> Нам хотелось бы думать, что мы есть нечто единое, одно, но это далеко не так. В действительности мы не хозяева в собственном доме. Комплексы являются автономными группами ассоциаций, имеющими тенденцию жить своей собственной жизнью отдельно от наших намерений. И личностное бессознательное, равно как и коллективное, состоит из неопределенного (в смысле неизвестного) числа комплексов или фрагментарных личностей [2].

Применительно к нашей матрице (рис. 3) комплексы – вертикально интегрированные строительные блоки психики. На примере эго-сознания мы знаем, что формирование

комплексов происходит в рамках уже идентифицированного нами психодинамического сегмента, но не ограничивается им, а охватывают всю психику. Естественное развитие психики сопровождается формированием комплексов «снизу – вверх» (например, родительский комплекс). Травматическое происхождение, в терминах Юнга, «откалывает» часть эго-сознания в обратном направлении. Неиндивидуированное (инфантильное) эго подвержено безусловному констеллирующему влиянию со стороны комплексов. Качественной характеристикой индивидуированного сознания является способность различать и до известной степени оказывать влияние на собственные комплексы. Первая половина жизни связана с формированием и укреплением «продуктивных» комплексов (по сути, личностных свойств), позволяющих человеку выполнить биологическую задачу. Обратим внимание, что такие вехи социализации, как получение образования, трудоустройство, успешная карьера и пр. – аргументированно рассматриваются Юнгом сквозь призму создания необходимых условий для выполнения биологической функции. Вторая половина жизни, наоборот, связана с освобождением эго от констелляции комплексов. Уточним, что в данном случае под «освобождением» понимается относительное ослабление влияния комплексов на эго. Юнг неоднократно отмечал, что абсолютное освобождение невозможно, поскольку комплексы – строительный материал психики *per se*.

Такое освобождение сложно осуществить волевым усилием, поскольку каждый комплекс обладает своим собственным волевым (энергетическим) потенциалом. Попытки аскетического противостояния эго с комплексами, как правило, не приводят ни к чему, кроме изнурительного опустошающего невроза. К слову, «зов» объявить «священную войну» за свободу и автономию эго, по утверждению Юнга, исходит из метафизической Самости (центральный архетип коллективного бессознательного), которая «стремится» расчистить место имплантов первой половины жизни и найти свое воплощение в сознании и, тем самым, осуществить «предначертанную миссию». В этой связи, Юнг говорит об «аристократизме» природы и «избранности» людей, которые в отличие от миллионов других «дремлющих» индивидов, сталкиваются с кризисом середины жизни. Возможно, данное полемическое объяснение предназначалось для пациентов и имело психотерапевтическую цель? Ведь Юнг-психотерапевт, преимущественно, работал именно с этой категорией неврозов. Так или иначе, факт широкого существования указанного явления – остается неоспоримым в силу своей очевидности и общеизвестности. Как же лечил Юнг своих пациентов? Как происходило терапевтическое освобождение от сковывающих комплексов и обретение подлинных (Самостных) смыслов?

Сам Юнг утверждал, что его психотерапия основывается на восстановлении нарушенной *трансцендентной функции* (связь сознания с бессознательным) и, собственно, исцеление происходит само-по-себе, поскольку в работу вступала Самость. Суть невроза середины жизни в нарушенной связи между эго и Самостью. При всем уважении к источнику, данную позицию сложно воспринимать в качестве научной, поскольку используемые в ней категории («трансцендентная функция», «Самость» и др.) не позволяют применить к данному тезису *принцип фальсификации* Поппера. Но что известно наверняка? С помощью анализа сновидений, активного воображения и других методов Юнг стимулировал (и

развивал?) тот механизм преодоления невозможности бытия, который образовывается в психике каждого человека за долго до манифестации кризиса середины жизни – *рефлексию*. При этом Юнг рассматривал рефлексию в качестве инстинктивно подобного фактора, сформировавшегося в процессе эволюции:

«Можно даже считать, что довольно раннее возникновение человеческой способности к рефлексии явилось из болезненных последствий жестоких эмоциональных потрясений. В качестве иллюстрации позвольте привести пример дикаря, который в момент гнева и разочарования от неудачной рыбной ловли душил своего единственного любимого сына, а затем охватывается безмерным сожалением, держа в руках маленькое мертвое тело. Такой человек может запомнить свое переживание навсегда. Мы не знаем, действительно ли подобные переживания являются исходной причиной развития человеческого сознания. Но нет сомнения в том, что шок сходного эмоционального опыта часто необходим, чтобы заставить людей проснуться и обратить внимание на то, что они делают [3].

Как и большая часть психологов, Юнг напрямую связывает рефлексию с мышлением и часто в своих работах использует оба термина синонимично. Представления о мышлении у Юнга детально разработаны в рамках его типологической модели личности и с этим связано определенное противоречие. А именно, мышление концептуализируется как *рациональная психическая функция* (часть эктопсихики), диаметрально противопоставленная другой такой же функции – *чувству*. Участники указанной пары являются взаимоисключающими и взаимодействуют только с компонентами *иррациональной* пары функций – *ощущение* и *интуиция*. Таким образом, во взглядах Юнга мышление является функцией сознания, которое, в свою очередь, является функцией бессознательного (рефлексия = функция функции сознания). Противоречие здесь кроется в том, что рефлексия выходит за рамки «компетенций» функции мышления и распространяется на другие эктопсихические функции эго (например, рефлексия чувства). Также рефлексия охватывает и эндопсихику, в частности, связана с памятью.

«До некоторой степени является проблематичным и сам факт ясности или, иначе, степени сознания. Предполагается, к примеру, что десятилетний мальчик или девочка обладают сознанием, но легко можно доказать, что здесь налицо специфический вид сознания, сознания, в котором рефлексия своего «Я» может не участвовать; сознание ЭГО отсутствует. Мне известен ряд случаев у детей от одиннадцати до четырнадцати лет и старше, внезапно осознавших, что «Я есть». Впервые в жизни они стали сознавать, что переживают нечто и именно как ОНИ; оглядываясь при этом назад, в свое прошлое, наполненное столькими событиями и вещами, они тем не менее себя в этом прошлом вспомнить не могут» [2].

Таким образом, рефлексия не может быть тождественной мышлению или, тем более, быть его функцией. Рефлексия, на наш взгляд, является автономной функцией эго, которая взаимодействует с другими функциями, а также обеспечивает возможность формирование опыта.

«Я полагаю, что принципы научного эмпиризма остаются нерушимыми в том случае, если мы время от времени обращаемся к размышлениям, которые выходят за пределы простого сбора и классификации опытных данных. Более того, я считаю, что без рефлексии нет и опыта, поскольку «опыт» представляет собой процесс ассимиляции, без которого невозможно понимание происходящего» [3].

Как видим, в наших поисках места и содержания рефлексии мы вплотную подошли к такой категории, как – *деятельность*. Необходимое нам наставление находим у Щедровицкого:

«Рефлексия существует в деятельности, является особой структурой и особым механизмом в деятельности... рефлексия является моментом, стороной, механизмом и организованностью деятельности» [4, с.105].

Деятельностный подход позволяет обратить взгляд на само ядро рефлексии, ее изначальную природу. Однако, уже на уровне дефинитивного рассуждения, ГП обращает внимание на наличие разных планов рефлексии, по крайней мере, двух форм ее существования:

*«Если мы хотим понять фундаментальные моменты рефлексии, ее «исходную», если можно так выразиться, природу, то мы должны прежде всего постулировать, что это не работа сознания, не механизм расщепления сознания на самосознание в классическом смысле – все это будет объясняться как **проявление более высоких форм существования рефлексии** (здесь и далее в цитатах ГП выделено мной – В.Ш.); это особая связь кооперации, или, другим словами, связь нескольких первоначально независимых актов деятельности. Вторым моментом, который я выделяю в содержательном, специфицирующем определении рефлексии, состоит в утверждении, что рефлексия есть акт деятельности по поводу связи или структуры общения между двумя, по крайней мере, индивидами. Речь идет о таком общении, при котором один индивид что-то сказал другому по поводу некоторой реальной или мыслимой ситуации, а второй индивид понимает этот текст (момент понимания текста или восстановления смысла по тексту здесь должен быть обязательно); я бы даже сказал, что второй индивид, понимая текст и восстанавливая его смысл, одновременно выделяет и восстанавливает предмет мысли. И вот по поводу этого текста, этого понимания и процесса восстановления предмета, по поводу всей этой ситуации деятельности и общения должна возникнуть «рефлексия», т.е. та специфическая связь кооперации, которую я в общем виде задал и определил в первом утверждении <...> По сути дела, этим задаются лишь необходимы условия рефлексии, но еще не задаются ее особенные, специфически моменты [4, с.112-113].*

Мы предлагаем различать два плана и говорить о рефлексии *первичной (рефлексия-связь) и вторичной (рефлексия-расщепление)*. Обратим внимание, что рефлексия-связь предполагает дешифровку текста, но не ограничивается этим (иначе сводилась бы к обычному пониманию). Ключевым аспектом выступает деятельность по установлению

связи между индивидами, которая реализуется в специфической кооперативной (со-деятельностной) ситуации:

*«Ядро и сущность рефлексии составляет такая организация ситуации, единой для всех действующих индивидов, которая дает возможность всем индивидам, не смотря на различия их позиций и объективное различие тех смыслов, которые должны в этих ситуациях образовываться, видеть, понимать и восстанавливать один и тот же объективированный, а следовательно, и **нормированный смысл** <...> Именно в этом состоит суть рефлексии, а особые и специфические процедуры работы нашего сознания, которое «сознает себя», «разделяется» и т.п. - все это вторичные или более высокого порядка отблески подлинной рефлексии, это ее лжебытие. Подлинный и реальный механизм всех этих процессов сознания заложен не в нем самом, а во внешней организации деятельности, в тех самых **ситуациях кооперации**, которые я выше описал» [4, с. 115-116].*

Таким образом, рефлексия-связь отличается от понимания тем, что в реконструкции предмета мысли из текста, помимо языковых средств, принимают участие ситуационно-деятельностные факторы. Здесь напрашиваются две параллели. Одна – синхроническое и диахроническое чтение. Некоторые, казалось бы, совсем еще «свежие» тексты 20-летней давности (не говоря уже о текстах с вековым возрастом и старше) могут завести в тупик современника, не удосуживающегося рефлексивно синхронизировать себя с соответствующим социокультурным контекстом. Вторая – более очевидная, на наш взгляд, параллель – ситуация, в которой ребенок только начинает осваивать родной язык. Ситуации кооперации здесь играют не просто решающую роль, а выступают единственно доступным инструментом «объективации и нормирования смыслов» по Щедровицкому. Стало быть, рефлексия-связь это – соотнесение понимания текста с пониманием самой ситуации кооперации. Пересечение двух пониманий локализует онтологическое пространство, заполняемое – идеей (когнитивный результат рефлексии) и релевантным переживанием (аффективный результат рефлексии). Как видим, рефлексия-связь имеет отношение к образованию комплексов, как аффективно заряженных идей по Юнгу.

Как тут не вспомнить максиму Лакана: «Бессознательное структурировано, как язык, и порождается им»! Можно ли считать, что ранее высказанные нами сомнения [5] по поводу применимости лакановской концепции бессознательного к текущему структурно-онтологическому анализу – были напрасными. Увы, нет. В нашем рассуждении мы пришли лишь к частичному теоретическому подтверждению гипотезы о связи между языком и бессознательным. Поэтому можем утверждать, что бессознательное лишь отчасти или в том числе структурируется и порождается языком. Подчеркнем еще раз, что взгляд ГП на рефлексия, предполагает языковую компоненту (восстановление значения текста) в качестве обязательного необходимого условия. Однако, принципиальным механизмом рефлексии являются ситуации кооперации. Поэтому онтологическим пространством, в котором разворачиваются эти ситуации (первый сегмент матрицы) является не лакановское поле языка, а более широкое измерение. Измерение, которое помимо языка состоит из многообразных ситуаций, порождаемых пересекающимися деятельностями –

цивилизационное пространство или попросту *цивилизация*. В этом измерении язык является инструментом, а рефлексия-связь – механизмом *нормирования*.

Для дебютировавшего *эго* (мы исходим из того, что эта характеристика совпадает с появлением лексического эквивалента – «Я») ситуации кооперации выполняют функцию «костылей» социализации, без которых любой прогресс и адаптация не мыслились бы возможными. В терминах Юнга неиндивидуированное *эго*-сознание растворено в объектах, находится в состоянии «мистического соучастия» с ними. С одной стороны, деятельностное участие в кооперации выполняет функцию разрядки напряжения, связанного с первичным процессом анализируемой системы (горизонтальная ось матрицы). Напряжение «выталкивает» личность вовне, в поле цивилизационного взаимодействия. С другой стороны, вовлеченность в кооперацию актуализирует проблему нормирования, которая сама по себе выступает ситуацией невозможности. Разрядка одного напряжения порождает другое. Таким образом, рефлексия-связь возникает, как связывающее напряжение. Мы предполагаем, что энергия этого напряжения инкапсулируется в комплексах – пополняемых в процессе социализации хранилищах идейно-аффективного содержания. По этим соображениям, на схеме (рис. 3) рефлексия-связь отображена в виде отрезка с концевыми разнонаправленными стрелками, соединяющего четвертый и первый сегменты матрицы. Доступ *эго* к описанному «банку данных» может быть двояким. По рефлексивному каналу такой доступ, по сути, является *опытом*. Нерефлексивный доступ *эго* к содержаниям комплекса – *память*.

Работа «маятника» рефлексии участвует в дифференциации материала системы, которая также сопровождается развитием функций *эго*-сознания, накоплением воспоминаний и формированием опыта. Последнее, с нашей точки зрения, постепенно готовит внутреннюю «замену» по отношению к изначально *внешне* локализованным ситуациям кооперации. В результате развития самой функции рефлексии-связи и интериоризации ее продуктов, обеспечивается формирование альтернативного онтологического пространства. С обретением *эго* свойств «опытности», возникает расщепление (рис. 3) между «горизонтальным» сценарием первичной рефлексии и ее «вертикальным» вторичным новообразованием. По сути, это порождает структурный конфликт, на наш взгляд, обуславливающий кризис середины жизни.

Так, рефлексия-связь продолжает функционировать и «выключить» ее невозможно даже путем преднамеренной самоизоляции от социума. Однако, благодаря работе рефлексии-расщепления, *эго* начинает «вываливаться» из продуктивного взаимодействия с цивилизацией, отчуждаться от внешних ситуаций кооперации, обесценивать и обесмысливать их. Как видим, болезненный раскол *эго* возникает не в результате метафизического «зова Самости», а как неизбежное следствие трансформации накопленного системой функционального количества в новое структурное качество. На наш взгляд, именно этот механизм отвечает за, цитируемое по Юнгу в начале данной публикации, «индивидуационное обособление единичного существа, отличного от общей, коллективной психологии». Никакой избранности в индивидуации нет. Ничего личного. Ничего таинственного. Только закономерные последствия развития (издержки «опытности»), анализируемой нами системы.

В завершении данной публикации прокомментируем, почему третий сегмент матрицы мы идентифицировали именно, как – рефлексия. Ведь, для эмоциональной оценки вторичной рефлексии в терминах «лжебытия» у ГП есть все формальные основания. Семантика такой оценки, вероятно, отражает напряжение диалога по вопросу рефлексии с Лефевром [6]. Однако, вторичность того или иного феномена не лишает его онтологичности. Любое явление во Вселенной – вторично. Судя по некоторым научным публикациям, современные космологи и астрофизики даже «Большой взрыв» рассматривают, как вторичное событие, вызванное определенными предшествующими условиями и причинами. Поэтому, возвращаясь из космоса к социализации личности (предмет актуального анализа), вспомним замечание Юнга: «Не столь важно, как мы называем обсуждаемые явления. Принципиально важно, понимать значения используемых терминов». Таким образом, в рамках текущего структурно-онтологического рассмотрения, под *рефлексией* мы будем по умолчанию понимать *рефлексию-расщепление*. Такой выбор обусловлен актуализируемым в проводимом анализе содержанием и не связан с той или иной теоретической приверженностью.

Виталий Шимко

Ссылки:

1. Юнг К. Психологические типы / К. Юнг. – М.: Прогресс-Универс, 1995.
2. Юнг К. Тавистокские лекции / К. Юнг. – М.: Астер-Х, 2015.
3. Юнг К. Архетип и символ / К. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991.
4. Щедровицкий Г.П. Мышление — Понимание — Рефлексия / Г.П. Щедровицкий. — М.: Наследие ММК, 2005.
5. Шимко В. Структурно-онтологическая матрица: приступаем к идентификации сегментов [Электронный ресурс] / В. Шимко // Zenodo. – 2019. – Режим доступа к ресурсу: <https://doi.org/10.5281/zenodo.2586817>.
6. Левинтов А.Е. Две рефлексии [Электронный ресурс] / А.Е. Левинтов // Научный фонд имени Г.П. Щедровицкого. – 2019. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/16>

Идентификатор публикации: DOI 10.5281/zenodo.2604703